

Неудачник. Часть первая

Германдадь

Германдаль

Неудачник. Часть первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70063006

SelfPub; 2023

Аннотация

В произведении «Неудачник» будет повествоваться о молодом человеке – Ямамото, которого изрядно потрепала жизнь, настолько, что он даже стал больным. Он не такой как все, он странен, он честен во всем. Но первая часть будет о встрече его родителей, о его отце, Григорие, который достоин великого сострадания. Григорий расскажет вам о своем лучшем друге, который, к несчастью, был серьезно болен. Читатель также узнает и о матери Ямамото, которая тоже весьма странная. Все это будет в первой части этого повествования.

Германдаль

Неудачник. Часть первая

I. Бесы и прочая нечесть

– Доброе утро, Ямамото!

– Здравствуй, Софья.

– Как настроение?

– Как погода сегодня, Софья.

– А какая сегодня погода?

– Взгляни в окно и увидишь. А впрочем, давай лучше посмотрим, что думают на этот счет метеорологи.

– Давай!

Всеми уважаемый, смешной, но, по скромному мнению Ямамото, являющийся полным воплощением тупости и бездарности ведущий вещает:

– Всем здравствуйте, дорогие мои друзья или не друзья!

«Идиот» – подумал про себя Ямамото.

– Сегодня я, – продолжал ведущий, – если вы не знаете, а если знаете – то хорошо, хочу поведать вам о погоде. Но прежде, хочу прочитать вам стихотворение Пушкина «Зимнее у...»

– Какой к черту Пушкин! – прокричал Ямамото не дослушав, который как-будто и забыл про присутствие дамы, лицо его исказилось от ярости. – Мы хотим послушать о прогнозе погоды, а он, идиот, какого-то Пушкина приплел! Кто это?

(Японцы мало что знают о Пушкине)

Ямамото хотел было выключить телевизор от ярости, но Софья попросила этого не делать. И Ямамото пришлось мучиться, слушая этого, как он сам выразился, идиота.

– Леса, недавно столь густые,

И берег, милый для меня, – заканчивал ведущий. – Вот так и закончилось всеми известное стихотворение Пушкина «Зимнее утро».

Должно сказать, что каждое слово ведущего, неизвестно почему, потихоньку выводило из себя Ямамото, он уже начал постукивать ногой. Неизвестно к чему это приведет.

– Этот стих, – продолжал ведущий, – я рассказал к тому, чтобы описать сегодня. Сегодня утром было морозно. Было примерно -5°C . Это доказывает строку «Мороз и солнце...», ведь -5°C это уже мороз.

– Да неужели! – сказал Ямамото уже с кривым лицом и немного дергающимся глазом.

– Ооо! Как холодно! – сказала Софья, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, но было уже поздно: Ямамото выходил в неудержимую ярость.

– По ощущениям -3 , – опять-таки продолжал ведущий. – Сегодня ночью выпадет снег. Ох! Как я люблю снег! В нем есть что-то манящее. Я хочу взять и взлететь к небесам и...

– И задохнуться! – опять перебил ведущего бедный Ямамото. – Ох! Как это было бы славно!

– Вообще, люблю, – продолжал ведущий. – Сегодня бу-

дет сильный ветер, настолько сильный, что может, я смогу попасть на небеса и увидеть Бога! Что или кто такой Бог? Бог...

На этом моменте Ямамото, совершенно взбешенный, выключил телевизор. И начал красный как помидор, со слезами гнева на глазах и с уже совершенно неузнаваемым лицом говорить:

– Ну ты (непечатное слово) скотина! Как таких (непечатные слова) свет носит! Выродок. Чертов Бес! Да я бы тебя (много оскорбительных непечатных слов) заживо зажарил бы и к самому сатане послал бы! К черту эти передачи!

II. Странная встреча

Но кто же такой этот Ямамото? И как он, черт меня возьми, так хорошо знает русский? Это был относительно молодой человек лет 35, с весьма приятной славянской внешностью. Нос его был с горбинкой, довольно узкий и длинный, глаза голубые (с какой-то тяжестью что-ли), волосы белобрысые и немного волнистые, кожа смуглая, лицо овальное и с каким-то грустным выражением, брови толстые, густые, а также: шикарные рыжие бакенбарды.

Да, человек он был довольно вспыльчивый и, даже можно сказать, немного нездоровый, да и вообще, странным был. И жизнь его, конечно, была нелегка. А если вкратце: родился он в Японии, в Токио; отец его, Григорий Михайлович Сатуновский, был успешным предпринимателем, переехав-

шим в Японию на долго, был довольно умен и также красив. Мать Ямамото, Маргарет Миллер, Григорий встретил в 29 лет в Токио, в Н-ом саду. Знакомство их было весьма странно: в летний вечер, часов в 9, Григорий, по обыкновению, гулял после работы. Проходя через мост, в пруду он увидел группу рыб и решил их сфотографировать (он любит рыбок). Он начал свисать на ограждения, чтобы как можно ближе их (рыб) заснять, между тем, на противоположной стороне моста стояла Маргарет и фотографировала свою знакомую на фоне пруда, а та принимала сотню различных поз: и какая-то надменная, и какая-то с насмешкой, и какая-то страстью, и какая-то черт знает какая, но все равно возвышенная (думаю вы понимаете о чем я), помимо бесчисленного количества поз надо еще ракурс выбрать, так и металась туда сюда Маргарет, а потом, отходя опять для новой фотографии, поскользнулась и упала на Григория, так мило фотографировавшего рыб, так он, совершенно неожиданно для себя, плюхнулся с кувырком в воду. Маргарет, удержавшаяся на ногах, вся посинела лицом, она с замиранием сердца смотрела на пузырьки в воде, но, к счастью, голова Григория оказалась. Увидев Маргарет, он в гневе закричал по-русски: «Дура! Ах, дура окаянная!» Естественно, что Маргарет ничего не поняла (сделала только недоумевающее лицо) и сразу же побежала на выручку Грише, а тот еще еле плавать мог: он барахтался и бранил ее. «Дура, зачем ты бежишь к берегу, когда можешь спрыгнуть с моста?» – кричал Гриша. Он

думал, что она должна непременно спасти его. Прибежав к берегу, она поняла какую глупость совершила.

«Зачем же я, – думала она, – побежала к берегу, когда могла спрыгнуть с моста? Вот дура-то!»

Совсем не стесняясь, сняла она почти всю свою одежду и бросилась в воду. С горем пополам, вытащила она его из воды и даже и даже искусственное дыхание собиралась делать. Но тот у же спокойно ответил по-русски, качая головой: «Нет, дура окаянная, не стоит, не стоит». И спокойно себе заснул, потому что устал. Тут Маргарет чуть с ума не сошла. Слезы полились градом из глаз ее. Она зачем-то начала целовать уснувшего, надавливала на его грудь, то молилась, то грозила кулаком в небо, но Гриша спал крепко. И вдруг она осознала, что надо бы и скорую вызвать. Не без нервов, дождалась она скорой. Григория наскоро осмотрели и, сказав что в легкие могло попасть немного воды, повезли в больницу.

III Время

Спровадив Гришу в больницу, Маргарет отправилась домой. Дом, в котором она жила, был общежитием. Он был весь покрыт трещинами, с какими-то плохо пристроенными балкончиками. Была уже полночь и всюду горели фонари.

Она вошла в подъезд, поднялась на 2 этаж и вошла в квартиру №8. Маргарет нащупала выключатель, и загорелся свет. В отличии от дома сени были довольно приличные (за счет проживающих, конечно). Маргарет повесила куртку и

пошла к себе в комнату, выключив свет в сени. Она старалась не шуметь, но из соседней с нею комнаты послышался женский голос:

– Здравствуй, Маргарет. Спокойной ночи.

– И тебе, – совсем уже измучено отвечала Маргарет, и на этом из разговор кончился. Маргарет зашла в темную комнату, от изнеможения упала на кровать и заснула прямо в одежде. Проспала она так очень долго и сладко.

На следующий день, часов в 12, позавтракав, Маргарет собралась навестить Гришу. Она зашла в магазин и накупила кучу разных вкусностей: изобилие бананов, пирожных, конфет и все то, что обычно покупают в таких случаях. Села на поезд и довольно долго ехала. Наконец доехавши, потащилась она с этими продуктами в больницу и так доковыляла минут за 20. Дойдя, она вздохнула с облегчением, но ее ждала лестница. Еле-еле добравшись до 3 этажа, она отдышалась и перекинулась парой слов с врачом, ее пустили. Отворив дверь, увидела она сидящего в глубокой задумчивости Гришу. Как он ей понравился! Внешностью он был очень похож на Ямамото, только волосы были черные, а бакенбардов не было, была только черная бородка. «Явилась – не запылилась» – подумал Гриша.

– Здравствуйте, уважаемая, – начал Гриша.

– Здравствуйте, – робко сказала Маргарет.

– Чего ж вы на проходе стоите? Прошу, присаживайтесь, – сказал Гриша, усаживаясь на кровать и указывая на покину-

тый стул. Маргарет тихонько присела, и лицо ее осветилось лучами солнца. «Хороша, – подумал Гриша, – хоть и глупа».

Действительно, Маргарет была довольно красивой. Это была девушка рослая, с весьма хорошим и женственным телосложением. Лицо ее было с добрым выражением. Губы не толстые и не тонкие, можно сказать идеальные. Волосы длинные и очень светлые, как будто даже белые. Маленький носик, но очень большие зеленые глаза. Брови тонкие, ресницы длинные. Все в ней было хорошо. Одета была в какую-то поношенную, но модную одежду.

– Зачем пожаловали? – продолжил Гриша. Дело есть?

– Хотела вас поведать, – сказала Маргарет. – Как самочувствие? Ничего не болит? На поправку идете?

– Все в порядке, и чувствую себя вполне хорошо. Даже легкие не болят после вчерашнего, – сказал, усмехнувшись, Гриша. – Врач сказал, что через дня три можно будет и выписываться.

– Очень хорошо, я рада.

– А вы как?

– Невыносимо устала после вчерашнего. Я вчера так плакала, когда вы отключились, просто до изнеможения. Ни на шаг вас не покидала, даже со скорой в больницу поехала. Но поздним вечером, когда я лежащего вас проводила в палату, мне сказали, что пора домой и что все в порядке. Отчего же вы смеетесь?

– Отключился? – спрашивал, хохоча, Гриша. – Это из-за

чего я отключился-то?

– Как из-за чего? – спрашивала недоумевающая Маргарет. – Из-за шока, наверное. Так это вас поразило, так напугало, что вы (хоть и были невредимы) отключились.

– А что же вам сказал на это предположение доктор?

– Он широко улыбнулся, что-то написал в блокноте и сказал, что не хочет показаться грубым, что я очень хорошая девушка, но не лучше ли мне, добрейшей леди, как он выразился, выпить успокоительное и может даже остаться в больнице ночевать. Хотя я всего лишь сказала, что вы на последнем одре от шока и что вам осталось жить от силы недели 2, и то в бреду и в лихорадке.

Тут Гриша не выдержал и со смеху упал с кровати и катался по полу. Слезы лились градом. Было такое ощущение, что все кишки выйдут наружу. «С ума сошел! – подумала Маргарет. – А я ведь вчера доктору и говорила, что так и будет. Срочно врача!»

– Я же... – проговорил рыдая Гриша, – я же пр... просто напросто ус... ус...

– Какой такой ус? Вы не ус! У вас бред и лихорадка. Вам нужен отдых, – с ужасом говорила Маргарет. Она собиралась идти к доктору, но Гриша ее остановил и, немного собравшись, сказал:

– Я тогда... тогда я... уснул!

Тут он снова захохотал, но успел броситься на кровать и хохотал там. Маргарет распахнула рот, и краска стыда залила

ее лицо. Она снова уселась на стул, опустив глаза в пол, стала ждать пока Гриша успокоится. Это произошло минуты через три, и он снова начал говорить:

– Вы меня извините, что я так. Просто я редко смеюсь, а тут такая возможность. И знаете, я очень Вам благодарен. Я, честно говоря, уже устал жить. Мне все уже надоело. Одно и то же, одно и то же каждый день божий. А ведь некоторые люди живут так всю жизнь. И как им это удается? А я иногда думаю: «Ведь есть же люди, которым осталось жить недолго, у них же каждая минута на счету. Они мечтают о друзьях, о любви, о счастье; они хотят быть любимыми, они хотят стать лучше, но у них нет времени». Время! На время все упирается, от времени все зависит. Так почему же мы, глупцы, бездельники, самолюбивцы так его не любим? О, как бы я хотел отдать все потраченные впустую минуты этим бедным, обиженным природой людям. Вот им-то эти минуты действительно нужны. Ох, какие мы глупцы, какие глупцы! Ведь мы их тратим, понимая что впустую, но все равно продолжаем; а только потом, когда уже поздно, начинаем жалеть. И так всегда! Человек спохватится из-за чего-то, когда уже не время. Но почему он не пытается что-то изменить раньше, когда еще не поздно? Не пытается стать лучше, не пытается найти близких людей, не пользуется возможностью? Потому что трус! Это главная проблема многих людей. Ах, сколько можно потерять из-за этой трусости, что вся жизнь под откос пойдет. Мы боимся перед кем-то опозориться, боимся зна-

комств, да что там говорить, разговор начать не можем из-за трусости. Но стоит ли этот страх того? Ну опозоримся мы перед кем-то, ну потеряем уважение, но и что с того? Если не будет страха, то истинная личность в любом случае раскроется. Да и к тому же, на Земле так много людей, что точно найдутся те, которые полюбят тебя. Но нет! Страх нас пожирает, мы не можем его преодолеть. Человек такое слабое существо! У меня был один хороший друг, Федором звали. Был он человеком молодым, 20 лет, но, к несчастью, была у него чахотка на последних стадиях; оставалось жить ему от силы месяца 2. Меня с ним познакомила моя однокурсница (он был ее двоюродным братом). Какое он на меня впечатление произвел. Он оказался добрым, храбрым и умным юношей. Наш первый разговор зашел, можно сказать, о нем. И вот в чем он заключался:

IV Ужасная болезнь

– Каким человеком ты хочешь быть в оставшееся время? – спросил я его при нашей первой встрече во время прогулки вечером в парке, осенью. – Какой твой идеал человека?

– Я? Дай подумать, – ответил Федор. Так он думал с минуту (он был необыкновенно и ставшим и рассеянным в тот вечер). – Во мне немало плохих черт еще с детства. Из-за этих черт я сделал невероятное количество плохих поступков. Я обижал, обманывал, лгал, крал. Один раз я даже ударил невинную шестилетнюю сестру. А из-за чего? Из-за того, что она решила поиграть с друзьями, а не потратить время на

учебу. Тогда я был ожесточен и ненавидел весь белый свет. Только сейчас я осознал каким жестоким я был. Но я понял это поздно. И в оставшееся время я хочу создавать судьбы, а не рушить их, я хочу помогать несчастным, а не насмехаться над ними и, наконец, я хочу внести хоть какой-то вклад, хотя бы какое-то зернышко в душу людей, я хочу наконец-то быть любимым! – тут он сильно закашлялся. Я испугался, посадил его на лавочку и предложил ему воды. Так продолжался его кашель минуты две, после чего он залпом иссушил предложенную мною бутылку. Я его попросил говорить менее одушевленно и тихо, но прекращать разговор не хотел, потому что был заинтересован. Он отдышался и продолжил говорить:

– Так, на чем я остановился? – сказал он и, подумав, прибавил: – Забыл. Неужто у любви?

– Вы говорили, что хотите быть любимыми.

– Ах точно, – сказал он с каким-то призмением, видимо был недоволен, что разгорячился. – Ну, тогда продолжим. Я хочу говорить правду и одну только правду. Сейчас, среди нас, очень мало честных людей. Соврать (даже не по пустяку) сейчас обычное дело. Люди даже не стыдятся за свою ложь, считают это необходимым, вот до чего дошло. Я же такое считаю неправильным, и я буду стараться говорить правду даже тогда, когда она не всем нравится (а это часто бывает). Я хочу быть человеком, которому можно довериться, на которого можно положиться. Человеком слова. Человеком, с

которым интересно проводить время. Человеком достойным уважения и любви. А впрочем, все это глупые мечты. У меня есть один друг, единственный и верный – фортепиано. И, может быть, больше и не нужно. Оно единственное поддерживает мое настроение, единственное меня успокаивает в такие сложные времена. Без него я, пожалуй, покончил бы с собой. Но у меня есть мечта, за которую я продолжаю цепляться, из-за которой я продолжаю жить, именно она меня ведет вперед (Федор во время речи охрипла почти с каждым словом, а к концу вообще говорил чуть слышно и плохо понятно)

– В чем же она состоит? – спросил я с чрезвычайным любопытством, я очень заинтересовался Федором и, честно говоря, полюбил его. – Расскажи, пожалуйста!

– Извини, но я очень устал за сегодня, очень спать хочу. К тому же, мой голос охрип и не понятен. Только если в другой раз.

– Ой! Приношу глубочайшие извинения, я, действительно, об этом и позабыл. Но ты меня до невероятности заинтересовал. Ты умный, честный и, по-моему, добрый юноша. Так знай, я тебя полюбил и хочу вновь с тобой встретиться.

– Спасибо, – сказал он мягко. На лице его выразилась такая добродушная, искренняя, чистая улыбка, казалось, что он вот-вот заплачет от счастья. Как это меня растрогало. – Спасибо вам большое. Я точно мечтал о таких словах всю свою жизнь, и я невероятно счастлив, что вы мне их сказали,

спасибо. Я сюда хожу почти каждый день, по вечерам, буду чрезвычайно рад проводить с вами время. Еще раз огромное спасибо вам за этот день, может быть, лучший в моей жизни.

Да не за что, не за что! – говорил я разгорячившись. – Это я должен благодарить судьбу, что встретил такого прекрасного человека как вы! А вам спасибо за этот разговор!

– Не за что, – сказал сиявший Федор. – Прощайте!

– До скорого!

Мы простились. Я всегда буду рад за то, что похвалил его в тот вечер. Похвала и внимание, действительно, были ему нужнее всего в это тяжелое время. И как мне грустно оттого, что такого прекрасного человека никто не знал. И заслуживает он этих мук, этих страданий? Почему в мире так много несправедливости? Почему над ним так поиздевалась природа? За что же ему, истинному человеку, такая жизнь?

И существует ли бог после этого, раз он допускает такие страдания невинным? Да, невинный! Может он и совершил множество грехов, даже сестру ударил, но кто знает как он их искупил с таким сердцем. А разве эта жуткая болезнь не является искуплением? Да даже переискуплением! Мне вот давно кажется, что такие люди появляются, чтобы искупить не только свои грехи, но и грехи всего человечества. Они страдают больше других, но чем же они хуже? Ничем! Да они даже лучше! Но именно на их долю выпала такая тяжелая участь, им, хорошим людям, приходится жертвовать всем ради других, злых и бесчеловечных. И если бог все же

существует, то он до невероятности жесток, жесток и несправедлив.

Но это сейчас неважно. А важно то, что потом я полюбил его еще сильнее. Он стал моим лучшим другом. Отчасти я исполнил его мечты, но главную все же не смог, за это себя ненавижу больше всех на свете!

V Мечта

Этот вечер произвел на меня такое впечатление, что я на следующий же день, после курсов, пошел сразу в парк, не заходя домой. Он там был и с нетерпением ожидал меня. Наш разговор снова оказался долгим. С каждым прошедшим так днем мы еще привязывались и любили друг друга. Мы оба считали друг друга достойными людьми. Иногда он не приходил по причине плохого самочувствия.

Спустя месяц таких встреч он, с того не с сего, пригласил меня в гости, сказал, что хочет сыграть мне на фортепиано. Когда я сказал, что тоже когда-то играла на пианино, он необыкновенно заинтересовался и сказал, что теперь я просто обязан к нему навеститься. Я согласился. На следующий же день мы договорились встретиться у него дома.

Я к нему пришел часов в 9 вечера. Он принял меня с видимой радостью и гостеприимностью. Квартира была хороша: убранная и просторная.

У него уже было все готово к моему приходу. Он посадил за стол и начал подавать мне кушанья. Он сказал, что он ему приготовил и что ждет моего вердикта. Угощения были на

редкость красивы и очень вкусны, даже лучше всяких ресторанов. Когда я ему это сказал, он аж весь засветился и благодарил меня, сказал, что в свободное время учится самостоятельно готовить. То, что он самостоятельно так научился готовить, тоже меня поразило, и я сказал, что с таким талантом он может стать известным поваром. Он так обрадовался, что даже начал смеяться, прям как ребенок!

После нашей беседы он повел меня в свою комнату. В ней стоял огромный, блестящий, красивый Рояль. При входе в комнату слева стояла кровать. На Рояль был вид с боку, он стоял возле окна, а напротив его был рабочий стол Федора. На столе валялись ручка, карандаш, ластик и горы исписанных нотами листов. По бокам у стола стояли тумбочки. На одной из них, например, было написано на каждом ящичке сверху вниз: «Шопен», «Бетховен», «Моцарт». Хоть у него и были такие удобные ящички, но ноты валялись повсюду: на кровати, на полу, на подоконнике. Это была единственная захламленная в его квартире комната. Один только Рояль был чрезвычайно чист.

Федор убрал ноты стула, кинул их на кровать и усадил меня на этот стул. На Рояле лежали ноты и я успел прочесть название произведения. Это была первая баллада Шопена. Именно с этого момента я понял, что Федор очень талантлив еще и в музыке. Он собрал ноты с Рояля и бросил их опять-таки на кровать, также уселся, сделал глубокий вдох, посмотрел в окно и, немного погодя, принялся играть.

Как волшеббно он играл! Звук был так прекрасен, так благозвучен, что казалось, что это Рояль поет, а не он нажимает на клавиши. Что меня еще поразило, так это то, как он играет «аккомпанемент» к основной мелодии. Обычно пианисты играют его плохо слышно и не столь значимо, но не он. Все звуки в его игре были слышны, не один звук не казался лишним. Иногда звуки «аккомпанемента» он выводил на первый план, и это звучало чрезвычайно красиво, необыкновенно живо. Его музыка текла как горная речка: живо и бурно. Видно было, что он любит свой инструмент и играет на нем в удовольствие, а ведь это главное.

Первая первая мелодия, которую он сыграл, была как противостояние добра и зла, низких звуков и высоких. По началу высокие звуки звучат весело и задорно. Но с каждым столкновением становятся все «грустнее» и тусклее. Звуки же низкие с каждым разом усиливаются, становятся все громче, ярче, «злее». В конечно же итоге совсем тусклые «добрые» звуки превращаются совсем уже в грустные, а потом и вовсе злые их уничтожают. Я сразу же понял, что это сочинил он, для это даже слов никаких не нужно было. Его игра, его стиль, его музыка меня сильно тронули, что к концу я постил слезу. У него было их много, он плакал, но быстро вытер глаза, пробормотав про себя: «В первый раз такое. Еще недолго».

– Ну как тебе? – спросил он.

– Это просто превосходно! – сказал я и рассказал все вы-

ше сказанное. Он улыбнулся, но на этот раз не с той наивной веселостью, не с тем счастьем, как-будто он что-то припоминал неприятное. «Она тоже так говорила – еле слышно сказал он. Но тотчас это улыбка стала прежней: невинной; он поблагодарил меня.

– А почему ты начал играть на фортепиано? – спросил я.

– Из-за нее, – сказал он с какой-то невообразимой досадой.

– А с этого ну-ка поподробней! – сказал я с жаром.

– Извини меня, Гриша, но даже тебе, моему лучшему и единственному другу, моему самому близкому человеку, я не могу рассказать этого. Я не хочу вспоминать тех дней. Они оставили слишком глубокий след в моем сердце, слишком. Я хочу это все забыть, выкинуть из головы. Так что, нет. Извини.

Я тотчас же все понял, все, что нужно. Я очень опечалился и сказал:

– Это ты прости меня. Я напомнил тебе о прошлом из-за любопытства. Очень жалею и виню себя, что сказал это.

– Это, конечно, не очень приятно, – начал он, – но ничего страшного, я вовсе не сержусь. Помнишь ты спрашивал о моей мечте? Ну так вот, я тебе ее поведаю сейчас (я давно хотел, но не было возможности). Ты знаешь, что я мечтаю о любви о любви, о счастье, но это мечта главная из всех, это мечта – цель всей моей жизни. Я ведь прекрасно понял, что ты подумал, что мелодию, которую я сейчас играл, сочи-

нил я. И ты будешь абсолютно правым. И моя мечта: познакомить с этой музыкой других людей, чтобы они услышали как она красива, прекрасна и все то, что ты о ней с жаром высказал; я хочу вдохновлять людей своей музыкой, чтобы они хотели непременно также играть, чтобы они полюбили ее и хотели бы постоянно слушать. Я хочу быть известным. Я хочу, чтобы меня знали все, даже не музыканты. Ведь моя мечта же осуществимая? Ведь я смогу ее достичь со своим талантом? Значимый конкурс, который в полной мере разгласит обо мне, будет через полгода. Мне хватит времени? А, Гриша? Ведь я же доживу до этого момента?

Он не доживет. Я сразу же это понял. И он прекрасно это понимал, понимал, но все равно спросил. Его вид говорил сам за себя: все лицо его было вялое, жилистое и с какими-то малиновыми пятнами. С нашей последней встречи он очень сильно исхудал, а во время ужина к еде даже не притронулся. Он почти перестал выходить из дома из-за своего плохого самочувствия. Мне было так грустно, так досадно, что я хотел заплакать, но я пообещал себе: во что бы то не стало, этого не делать и, быть может, первый раз в своей жизни солгал:

– Конечно доживешь, я уверен. Даже, наверно, переживешь.

– Я очень рад, что ты так думаешь, – сказал он, ядовито улыбнувшись. Он понимал свое положение гораздо лучше меня (в чем я уверен), понимал, что ему жить еще не бо-

лее месяца, но он не хотел смотреть правде в лицо, он до последнего ее отвергал, до последнего питал в себе надежды, до последнего не сдавался. И как же он силен после этого, чрезвычайно силен! И кто же сможет так, как он, стараться до последнего, понимая, что все напрасно, что все не имеет смысла и что никто кроме меня не услышит его игры. Вот она – настоящая личность, вот человек, к которому надо стремиться, которого надо уважать. Я счастлив, что когда-то познакомился с ним. Я счастлив, что он был моим лучшим другом.

– Ладно, сейчас уже очень поздно, и я очень устал, – произнес он, – давай прощаться что-ли.

Он вытянул руки, как бы желая меня обнять. Я в ту же секунду к нему бросился, и мы необыкновенно крепко обнялись, крепче даже, чем взрослый сын обнимает поседевшего отца. Мы оба хотели плакать, но оба дали себе клятву этого не делать.

Так простояли мы минуту. Эта минута связала нас неразрушимую дружбой, даже больше чем дружбой, невообразимые чувства я к нему питал.

– Подожди еще немного, забыл (он достал что-то из кармана и протянул это мне). Вот тебе ключи от моей квартиры, на всякий случай. Заходи когда захочешь, всегда буду рад. Спокойной ночи тебе. Прощай!

– Прощай! – сказал я необыкновенно громко, пожал Федору руку и удалился.

Что-то непонятное происходило в моем сердце; я был одновременно счастлив, но и одновременно чувствовал невыносимую боль, боль и злость на весь мир, злость на бессердечного бога. Меня бросало из одной крайности в другую, какая-то каша происходила в моей голове: одна мысль наслаивалась на другую, совершенно с нею не связанную. В таком беспокойстве я провел всю ночь, не смыкая глаз. Я до страха чего-то хотел, но я и сам не понимал чего. В университет я, конечно, не пошел о смог заснуть только в полдень. Так я и провалялся целый день в кровати.

VI Препятствие

В одну из наших (теперь уже редких) прогулок я ему задал вопрос насчет его мечты. И получил очень неприятный для себя ответ.

– Я посмотрел, – начал я, – что ведь будут еще несколько конкурсов в течение этого полгода. Ты же знаешь, так почему же не поучаствуешь? Вернее, не хочешь ли поучаствовать?

– Нет, не смогу, – отрезал он.

– Это еще почему же? – в недоумении спросил я. – Ведь глупо ждать полгода, особенно в твоем положении, – тихо прибавил я.

– Я ей пообещал – серьезно сказал он.

– Что пообещал? – спросил я, поджигаясь от негодования.

– Я пообещал ей представить свою музыку свету в день нашего знакомства. Ну она меня попросила, а я ей пообещал.

– Да черт меня возьми, да что это такое! – вскричал я. – Да какое к черту обещание! Разве ты не хотел все забыть и все отбросить? А тут какое-то обещание нарисовалось. Ты ведь хотел стать известным, а итога сам себе и ставишь границы. Как это глупо! А зачем же ты так старался, произносил все эти красивые речи о мечте, о людях, о счастье? Зачем же ты все это говорил, когда сам не пытаешься воспользоваться возможностью? И зачем же я, дурак, шел к тебе с таким одушевлением, с такими надеждами, чтобы сообщить тебе мысль? Почему же я сразу не понял, что ты хочешь умереть как червяк: никому не нужным и лишним, забытым всеми людьми? И так, пожалуй, и умрешь!

– Прости, я не хотел тебя... тебя обидеть. Мне очень жаль, прости. Ты прав, я так и умру, прям как червяк. Я во всем виноват, лучше бы я вообще не родился на белом свете, – проговорил он... проговорил он сильно побледневши. Я задел его больное место, о котором он не хотел думать. Каждое слово его было произнесено с глубочайшим призрением к себе; он перестал любить себя, я это недавно начал замечать. Как... ах... как я себя возненавидел за произнесенные с досады слова.

– Я не желал зла, я не хотел, я так не думаю, прости.

– Я это понимаю. Ты сказал это, потому что чрезвычайно сильно меня любишь. Не со зла, а только желая мне счастья. Такое бывает... Человек может ляпнуть лишнего близкому, а потом страдать из-за этого. Я знаю, что ты будешь страдать

из-за сказанного чрезвычайно, но не вини себя, прошу. Я не хочу оставить после себя грусть.

– Я... я... я-я... – сказал я и заревел. Я бросился его обнимать и начал кричать, рыдая: – Прости! Прости, я не хотел! Я не специально. Я люблю тебя больше всех на свете!

– Я знаю, я и это знаю! – захохотал он своим искренним, детским смехом. – А еще я знаю, что ты необыкновенно добрый, добрее еще не встречал. Ведь кто же, как не ты, станет так плакать за несколько лишних слов? Почти никто! А пойдем-ка ко мне заночуем, у меня там есть диван. Я приготовлю еды, мы поговорим, я тебе сыграю что-нибудь веселенькое, Моцарта например. А ты знал, что я играю не только все грустное, но и веселое тоже очень люблю. Очень ободряет меня. Ну пойдем-пойдем!

Он рыдающего меня взял за руку и потащил. Потащил как ребенка, которому не купили игрушку, которую он так хотел. Во всю дорогу он говорил со мной смеясь, а я, плачущий, давал какие-то невнятные ответы, и он еще больше смеялся.

– Разве может, – говорил он, смеясь, – разве может взрослый человек так рыдать? Вот только ты! Не перестань, перестань (постукивал он меня по плечу, задорно смотря, но я не мог перестать). А как по мне: сострадание – величайшее качество человека. Умение понять другого человека, умение ему сочувствовать – ведь из этого всего строится человечество. Но не всем дано, в тебе дано, у тебя этого избыток. Цени себя за это, никогда не упрекай себя в этом, да и вообще,

живи без сожалений. Это моя просьба к тебе. Сделаешь?

– Н-да... Н-да! – захлебывался я от слез. – Неп... прее... менно!

– Ну вот и славно! А мы уже и пришли.

Да... действительно... пришли. Весь... да, весь вечер тогда я не мог полностью успокоиться, а он все смеялся и смеялся, я тоже смеялся, хоть и плакал.

Он, действительно, хорошо играет и Моцарта. А в этот раз даже без грусти, а с необыкновенную веселостью. Он играл, поглядывая на плачущего меня и смеясь. Это был хороший вечер, действительно хороший. Хороший вечер перед страшной мукой, ожидавшей нас обоих из темного угла. Как это больно... больно...

VII Счастливый праздник

Когда я навестил Федора за несколько дней до муки, он весь сиял. Я удивился и спросил причину столь хорошего настроения. Он сказал, что вспомнил, что у него сегодня день рождения, и он ждет от меня подарка. Я обрадовался и горячо поздравил его.

– Какой подарок ты хочешь?

– Честно говоря, – начал он, – я давно мечтал о котенке. Такое милое создание!

– Какого цвета? Породы?

– Русскую голубую, с голубыми глазами.

– Ну тогда пойдем выбирать.

Мы вышли из дома и на метро поехали в питомник. Я про-

диктовал консультанту требования от котенка, и нам начали показывать возможные варианты. Федор стал выбирать. Пока он выбирал, я успел сходить в магазин в метрах ста от питомника, закупить сладостей, торт, свечей и корм для кошки. Когда я вернулся, он наконец выбрал. Я шепотом спросил цену, она стоила... ха-ха, дорого стоила. Из-за этого я попросил Федора удалиться на улицу.

Вернувшись к нему домой, я спросил какую кухню он хочет попробовать, он заявил, что итальянскую. Я побежал в самый хороший итальянский ресторан, который только знал, забронировал столик и сделал очень странную просьбу, такую, что официант даже удивился. Снова вернувшись, я сказал:

– Пойдем в ресторан.

– Подожди, а как же котенок, – сказал он, лаская своего котенка.

– К черту этого котенка, пошли, – сказал я, схвативши его за руку, и вывел на улицу. Он захохотал и поблагодарил меня за котенка. Мы пришли в ресторан и сели за наш столик. Ресторан был роскошный. Федор долго и упорно смотрел в меню и наконец спросил, хитро улыбаясь:

– А почему цены заклеены? Такая задумка ресторана, чтоб цены узнавали только после?

– Ну это так, – начал я, – на всякий случай.

– На какой такой случай? – спросил он поднимая брови.

– На возможный, – сказал я, тоже заулыбавшись.

– Ну я тебя понял, я тебя прекрасно понял.

Ресторан был дорогим. Но разве жалко для человека, с которым в последний раз празднуешь его день рождения, которого сильно любишь, но с которым скоро расстанешься, каких-то денег? Хотя я и был бедным студентом, но мне было ничуть не жалко; я даже был рад, что их потратил, потому что мы оба получили необыкновенное удовольствие.

Возвращаясь, я попросился у него заночевать, он охотно согласился и поблагодарил за проведенный день.

– Спасибо тебе за этот день, – начал он, – это самый лучший день рождения о котором я только мечтал. Вот так можно и уйти. Но чем более красочна моя жизнь, чем больше ты меня осчастливливаешь, тем больше я боюсь, тем больше я не хочу с тобой расставаться. Спасибо тебе за все!

– Не за что, живи счастливо.

Мы вернулись домой и начали зажигать свечи на торте. Он сел на стул и посадил на колени котенка. Я принялся петь. Федор немного отклонился в бок от меня, криво улыбнулся и слушал. Да, петь я не умею, ха. Я закончил петь.

– Боже, какой ужас, – говорил он, засмеявшись. – Ну и паршиво же ты поешь!

– У каждого есть свои недостатки, – начал я, улыбаясь, – и не стоит их стыдиться. Надо принять себя таким, какой ты есть.

– А ты философ, как я погляжу! – еще пуще смеясь, говорил он.

– Да, это все я.

После торта мы пошли играть в его комнату на Рояле. Он уложил подле себя, на пол, кота. Я никогда не забуду ту картину, как он играл в тот вечер: рядом с ним, двигая ушами, лежал в комочек котик с закрытыми глазами, сам же Федор играл, чрезвычайно улыбаясь (я никогда прежде не видел его таким счастливым) и смотря в окна. Он играл... я и не помню, что он играл; тогда я ничего не слышал, не о чем не думал, а только смотрел на него, испытывая огромное счастье.

– Сыграй-ка мне что-нибудь, – сказал он, закончив.

– А? Что? – спросил я, опомнившись.

– Сыграй мне, говорю.

– Но я же уже лет 5 не играл.

– Ну и что, что не играл. Я хочу послушать, не стесняйся.

– Ну, ну ладно, – сказал я робко. Единственное, что меня смущало тогда, так это моя игра на фо-но, не знаю почему.

На самом деле, я приукрасил, я играл на фо-но, когда начал дружить с Федором, но до этого я его забросил, действительно, на 5 лет. В тот раз я сыграл неплохо, даже хорошо, правда, не помню, что именно играл.

– А ты довольно хорошо играешь, – сказал он, – особенно учитывая перерыв. А ну-ка подвинься, сыграем вместе. (Я подвинулся, он достал какие-то ноты и поставил их на пюпитр.) Я думал, что ты примерно так и играешь. И поэтому, я сочинил для нас дуэт. Ты играешь это, а я это (он поочередно указал на ноты). Но тут все и так понятно. Начнем!

Он сидел справа, а я слева. Можно было понять какие ноты для меня и без объяснений, а так, на глазок (по длительностям все уже было ясно). Я, конечно, допускал ошибки, хоть темп даже для меня был не очень быстр (я имею в виду в моей части, в его – было куда сложнее). Мелодия была необыкновенная: как-будто слияние Моцарта и Шопена (очень веселая, но и в то же время чрезвычайно душевная, человечная, проникающая). Мы играли ее, посвящая друг другу, мы вкладывали в нее все чувства, которые испытывали. У нас получилось очень красиво. И, может быть, никто еще не игра так, как мы в этот вечер.

– Это моя благодарность тебе, – сказал он, когда мы только закончили. – Эту мелодию я создал в честь тебя и только для тебя.

– Спасибо за этот шедевр, – сказал я, и мы крепко обнялись. Котенок запрыгнул на клавиши, что мы даже вздрогнули, и начал ласкаться. Мы улыбнулись и начали его гладить.

– Да, кстати, забыл, – начал Федор, – ты можешь некоторое время перестать ходить ко мне в гости?

– Почему? – спросил я, недоумевая.

– У меня дело есть. Всего несколько дней.

– Ну хорошо, – согласился я. Но ничего хорошего не было. Я чертовски испугался, я чувствовал, что приближается не сулившее ничего хорошего событие. Ночь я спал плохо. Я просыпался от находивших в мою голову ужасов. И всех о какой-то темной силе. Один раз даже, ко мне из соседней

комнаты вышел Федор и спросил, что со мной такое, что меня тревожит. «Ужасы» – отвечал я. Он меня успокоил, поговорил со мной и сказал, что его тоже давно мучают ужасы, и тоже о какой-то темной силе.

VIII Неизбежность

Я перестал ходить к нему, как он просил, несколько дней, но ужас не покидал меня. Моя голова была постоянно чем-то забита, был рассеян, был как в забвении. О все эти 3 дня, что я не ходил к нему, он ни разу не явился в парк. Такое случилось, особенно в последнее время, но в этот раз я особенно тревожился. Конечная точка моего ужаса было поставлена в 3 день.

Я как можно скорее к нему пошел. Позвонил в дверь, но ждать не стал и сразу воспользовался данными им ключами. Я вбежал, выкрикивая его имя. Из его спальни послышался тихий голос. Я обрадовался и тотчас ворвался в его комнату. Он лежал на кровати. Я быстро взял стул и сел возле него. Только когда я сел, я разглядел его. Он был худ как скелет, был весь бледен, была видна каждая его жилка, челюсть его отвисла, как-будто он устал ее держать, его красивые зеленые глаза потускнели, он был как живой мертвец.

– Как я жалок, – начал он уже с совсем хриплым голосом и сильно закашлял (я почему-то никогда не замечал как он до этого кашлял, я не замечал его болезненный вид, не замечал его плохого самочувствия, или просто не хотел замечать), откашлявшись он продолжал:

– Я не хотел, чтобы ты меня застал в таком виде, но знал, что ты придешь. Мне осталось жить недолго, дня три от силы; я это чувствую. И, стало быть, я не доживу до конкурса и не исполню свою мечту.

– Доживешь, – перебил я, плача, – обязательно доживешь!

– И отчего же ты такая плакса (он улыбнулся)? И ты ведь и сам знаешь, что не доживу, и я всегда это знал. Знал, но продолжать желать. Да, человек чрезмерно странное существо. Оно питает надежды до самого последнего момента, хоть и понимая, что шансов нет.

– Шансы есть, опять перебил я, – шансы всегда есть!

– Не обманывай себя и перестань обманывать и меня. Это ты вселил в меня надежды, и поэтому, наверно, и обязан мне. Хотя кого я обманываю? Никого ты мне не обязан и никогда не был, а все делал лишь из чистой любви и доброты душевной. И, полагаясь на твою доброту и веря в тебя, я хочу кое о чем тебя попросить. Исполни мою главнейшую мечту, прошу тебя! Исполни все то, о чем я так мечтал, ославь меня! Выступи на конкурсе за меня. Да, я не доживу до этого момента, не доживу. Но я буду счастлив! Ведь жизнь на самом деле бесконечна. Я умру, но только с биологической точки зрения. Надо мною будет прорасти трава, мое тело покроется бактериями. Умирая, мы лишь перенаправляем свой источник жизни в другой, и этот цикл бесконечен. Я всегда буду жить и долго еще проживу и в твоём сердце, ведь ты такой добрый!

– Я не верю, не верю, – проговаривал я, рыдая. – Ты... ты... ты ведь еще... многое можешь! Сыграй-ка мне на фортепиано прямо сейчас!

– Я не могу ходить, – сказал он, сказал он... он, досадливо улыбаясь, – совсем сил нет.

– Так я тебя донесу! Так всегда и буду носить, не проблема.

Я его схватил и понес на руках к Роялю. Он был так легок! Он смеялся, но уже истерически. Я его усадил, а сам сел за стул немного поодаль. Он заиграл какую-то свою веселую мелодию, но с чрезмерной грустью. Нижние звуки он всячески выводил на первый план, а основную мелодию заглушал. Не знаю с чем это сравнить, это как какой-то маскарад: снаружи одно, внутри другое. Конец был наполнен еще большей болью. Характер сильно изменился: высокого звука теперь вообще не было. Играл их как... как человек с больной душой, как человек, который лишился всего на свете. В конце это дошло до крайности, что я не выдержал.

– Остановись! – лепетал я, рыдая. – Прошу тебя, остановись, а не то я сейчас убью себя.

Он остановился, понурил голову, закрыл лицо руками и горько заплакал.

– Я боюсь, – бормотал он, плача, – я боюсь смерти. Я... я не хочу умирать. За что же мне такая жизнь! Бог, я ведь всегда в тебя верил, всегда. По... почему ты так издеваешься надо мною? В чем я провинился?

Я вскочил со стула и... побежал к нему, спотыкаясь. Я упал на колени и начал обнимать его.

– Ты не в чем не виноват, – повторял я, – не плач, прошу, не плач. Ты всего лишь хотел жить, как и все нормальные люди. А бог отнял у тебя эту возможность! Я... я его ненавижу, чтобы он жил в таких муках, в которых жил ты. Ненавижу! Не плач, пожалуйста, не плач. Этот мир не заслуживает твоих слез. Не плач!

Я постоянно твердил это «не плач».

– Я уже давно не плачу, и ты не плач, – сказал он. – Ты плачешь совсем как ребенок, ха-ха. А знаешь как я счастлив, что ты плачешь? Ведь я говорю: «не плач», а сам счастлив, что ты плачешь так только из-за меня. Ведь ты же исполнил мои мечты, а сам этого не замечаешь. Потому что любишь. Я счастлив, что меня хоть кто-то любит, особенно такое человек как ты! Ведь я так сильно стал бояться умирать только из-за тебя. Ты меня заставил мерить в жизнь, ты меня заставил жить. Я не хочу с тобой прощаться, я не хочу покидать тебя. Но время мое подошло к концу. Ах, время! Почему же мне предоставлено его так мало, но как я хочу жить дальше! У меня еще столько незавершенных дел, которые я бы желал закончить, но... уже поздно. Знай: я люблю тебя больше все на свете и буду любить. Но не сокрушайся так из-за моей смерти, просто забудь меня. Я ведь знаю, что все будет наоборот. Ну тогда просто помни: я никогда не умру, я всегда буду счастлив, я навсегда останусь твоим другом, останусь

и в твоём сердце. Всегда помни об этом. Хотя мне кажется, что из-за моих слов тебе еще хуже. И чего ты распинал ноты по комнате? Я же над ними старался.

– Прости меня, – сказал я, икая.

– У тебя большие синяки под глазами, перестань постоянно плакать и спи больше.

– Обязательно, сделаю как ты говоришь, – произнес я, шмыгая носом и продолжая плакать.

– Да, и еще, за все то хорошее, что ты для меня сделал, за все те счастливые часы, за все-все-все огромное спасибо!

– И... и-и... тебе спасибо, – сказал я и снова зарыдал.

Так просидели мы очень долго, но после, он мне сказал, что устал и попросил меня не ночевать у него, и пойти домой, я послушался. Вернувшись домой, я лег и сразу же отключился. Мне снилась лишь темнота вокруг меня. Я валялся до вечера следующего дня.

IX Надежда

Как только я проснулся, ничего не сделавши, я побежал к Федору. Во время пути я смутно что-то предчувствовал.

«Еще не умер, не умер, не мог умереть» – думал я. Я рассматривал парк. Смотрел на место где мы впервые встретились, смотрел на усаженную деревьями с трех сторон скамейку, на которой мы часто сидели. Смотрел на живописный пруд, в который я умудрился упасть, вспоминал как он тогда при этом смеялся надо мной, а потом с ужасом понял, что я не умею плавать и бросился ко мне (прямо как ты, только с

моста прыгал). Я бежал и смеялся, хотел плакать.

Я вбежал в дом, поднялся на 4 этаж, судорожно вынул ключ и отворил дверь.

– Федя, Федя, ты где? – выкрикнул я, но ответа не последовало.

Я вбежал в его комнату как полоумный. По ней бегала взволнованный котенок. А он... он сидел за Роялем. Руки его лежали скрещенные на клавишах, а на них и голова. Лицо его было... было заплаканным. Слеза были и на клавишах. Я подбежал к нему, пощупал его пульс, и... мои опасения подтвердились, он был мертв. Я... пустил слезу, но заплакать не смог, мои глаза были полностью истощены. На пюпитре было несколько тетрадей и записка. Я нежно поцеловал Федю, сел подле него, взял и принялся читать записку. Но я не смог, я упал от потери чувств. (Гриша прервался на секунды, чтобы перевести дух, Маргарет все молчала.) я успел прочитать только до того, как он написал, что он говорил мне некоторое время не являться к нему, чтобы описать в этих тетрадках свою жизнь. Он все-таки решил мне ее поведать, но попросил прочитать тетрадки только через несколько лет. Но смог ли я исполнить его мечту? Но смог ли я выступить за него? Нет, не смог. Я, действительно, плохо играл его произведения, не поспевал за темпом, но это всего лишь оправдания. я просто струсил. Я еще давно замечал, что робею из-за своей игры на фортепиано. Это и повлияло в основном. Я еще пуще возненавидел себя после этого, я винил себя во

всем. А знаешь, что я сделал? Просто сбежал сюда, сбежал, поджав хвост. Я всегда буду жалеть, что струсил тогда. Но я уже все упустил, потерял. Я трус.

Гриша не выдержал и пустил слезу. Все неприятные чувства воспоминаний были в этой слезе: вся боль, вся досада, все-все колющее. Во все время рассказа, он смотрел рассеянно в окно.

Гриша не знал почему, но он чрезвычайно доверял Маргарет. Да, они были едва знакомы, но он что-то в ней замечал необычного, и к тому же, ему надо было излить всю ту желчь, которую он накопил. Он посмотрел на Маргарет.

– А разве уже поздно? – заговорила она. – Ты сам на помертвом одре что ли, что так говорить? Главная проблема Феде была в недостатке времени. Но ты не он, ты еще в полном расцвете сил. Мне кажется, что ты и сам это понимаешь. Но либо ты дурак, либо действительно трус. Но даже если ты и трус, то в отличии от многих, в чем я полностью уверена, ты способен бороться со страхом, побеждать его. Потому что ты способен любить и жертвовать собой. А это и есть чрезмерная сила, по-моему. Так воспользуйся же ей. Понимаю, что просто захотеть и сыграть превосходно не получится. Но главное пытаться, трудиться и тогда, вероятно, у тебя получится. К тому же, мне кажется ты любишь фортепиано, а это сильно облегчит тебе ситуацию. Ну и я... (тут Маргарет опустила глаза и начала краснеть) могу тебе помочь, только я на скрипке играю, а не на фортепиано, но все же, могу дать со-

вет. Да и ко всему (ну, как это сказать?), ты, вообще ты мне понравился (она совсем раскраснелась и в эту минуту всего более боялась посмотреть на него). Я каждый вечер хожу в тот парк, ну и мы можем там видаться (с вашего позволения, конечно).

– А как раскраснелась-то! – сказал Гриша, очень весело улыбаясь. Всю эту речь он слушал с удивлением, и она ему понравилась. А в Маргарет он чуть ли не влюбился. Ну то, что она не «дура» он убедился совершенно и тотчас выкинул эту мысль из головы.

– Я очень рад, что ты мне это сказала, и мне не пришлось говорить. Потому что ты мне тоже очень понравилась. Ты меня вдохновила снова сесть за фортепиано. Я обязательно воспользуюсь твоим советом и обязательно продолжу тренироваться, а вскоре и выступлю. Спасибо!

– Ах да! Вот, держи, – сказал Маргарет и протянула бумажный конверт. – Это за ущерб, который я тебе нанесла. Тут, по-моему, все, что я тебе должна.

Грише изначально показалось, что Маргарет бедна. Он, конечно, отказался брать эти деньги.

– Не стоит, – сказал он, – ты мне еще заплатишь как минимум тем, что будешь мне помогать. А деньги мне не нужны от тебя.

– Спасибо, – улыбнувшись, сказала Маргарет.

– А что у тебя в этих двух пакетах? – осведомился Гриша.

– Это я вам гостинцев привезла, – сказала Маргарет и на-

чала вынимать продукты.

– А на кой мне столько? – спросил Гриша, смотря с выдуленными глазами как Маргарет вынимает и бананы, и яблоки, и пирожных, и конфет, да чего там только не было.

– Чтобы разнообразия в рацион внести.

– Ну ты бы еще селедку купила, для полной разнообразности. Так: на селедке и на бананах, я бы вообще всю жизнь смог бы здесь прожить. Раз накупила столько, то изволь остаться, вместе поедим.

Маргарет согласилась робко, хоть и была очень рада предложению. Говорили они долго (чуть ли не до ночи), но врач прогнал Маргарет из палаты. И вскоре Гришу выписали.

Он с Маргарет встречался почти каждый день. У них все пошло как по маслу, все закружилось и завертелось, и они скоро полюбили друг друга. Гриша действительно начал много тренироваться на фортепиано, а Маргарет действительно ему помогала. Через год они женились, а через 3 у них появился сын, которого прозвали Ямамото. На девятнадцатилетие сына они отправились в Россию. Через несколько лет, по сложным обстоятельствам, Ямамото вернулся в Японию. И снова он вернулся в Россию, по причине смерти своего отца. С этого пребывания и начался наш рассказ.

Конец первой части